

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94(5)

Вопросы исторического прошлого в японо-тайваньских отношениях при администрации Чэнь Шуйбяня (2000–2008)*

В. А. Перминова

Институт востоковедения РАН,
Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский пр., 49

Для цитирования: *Перминова В. А.* Вопросы исторического прошлого в японо-тайваньских отношениях при администрации Чэнь Шуйбяня (2000–2008) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. Вып. 2. С. 293–307.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.211>

Тайвань, находившийся в течение полувека под управлением Японской империи (1895–1945), до сих пор остается единственным регионом, жители которого не акцентируют внимания на негативных сторонах колониального периода. Обсуждение в тайваньском обществе проблем исторического прошлого, как правило, ограничивается двумя вопросами — оспаривание суверенитета над островами Дяюйдао/Сэнкаку и требование от Японии компенсаций бывшим «женщинам для утешения». При этом обе проблемы, если и появлялись на внутривнутриполитической повестке, никогда не стояли остро и не оказывали существенного влияния на развитие традиционно тесных японо-тайваньских связей. Важно также отметить, что вопросы исторического прошлого, как правило, представляли собой лишь часть более общих дискуссий относительно национальной идентичности жителей острова и поиска моделей дальнейшего развития общества и государства на Тайване. Именно эти особенности тайваньского подхода к решению вопросов, связанных с проблемными событиями прошлого, наиболее четко проявились в период президентства Чэнь Шуйбяня (2000–2008). В этот период Токио и Тайбэй удавалось сохранять неизменно высокий уровень политических контактов и поддерживать тесное сотрудничество во всех областях, несмотря на актуализацию

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

проблемы «женщин для утешения», которая стала отправной точкой для нового витка дискуссий относительно колониального прошлого острова и роли Японии в становлении современного Тайваня. В статье рассматриваются подходы руководства Китайской Республики в 2000–2008 гг. к интерпретации событий военного прошлого Японии первой половины XX в. и трактовке колониального периода тайваньской истории в контексте развития японо-тайваньских отношений.

Ключевые слова: Тайвань, Япония, Китайская Республика, «женщины для утешения», проблемы исторического прошлого, международные отношения.

Введение

Проблемы исторического прошлого, связанные с экспансией Японской империи в Азиатском регионе в конце XIX — первой половине XX столетия, до сих пор сохраняют актуальность и остаются на повестке современных отношений Японии с ее соседями. Коллективная память в странах Азии о периоде японской оккупации в годы Второй мировой войны, а также о японском колониальном правлении нередко оказывает негативное влияние на выстраивание политических и торгово-экономических отношений Японии с этими странами и существенным образом сказывается на формировании имиджа современной Японии во всем АТР. Противоречия на почве интерпретации событий прошлого в первую очередь проявляются в японо-китайских и японо-южнокорейских отношениях — именно Китай и Южная Корея чаще всего выступают с обвинениями в адрес Токио, считая, что японская сторона не понесла всей полноты ответственности за военные преступления, а настоящее руководство не извлекло должных уроков из событий прошлого.

Единственным регионом, где в силу ряда факторов не принято акцентировать внимание на негативных сторонах японского присутствия, остается Тайвань, находившийся в период 1895–1945 гг. под колониальным управлением Японской империи. Коллективная память жителей Тайваня (Китайской Республики) о колониальном периоде сформировалась под действием как внутри-, так и внешне-политических факторов. Очевидно, международная обстановка, сложившаяся после окончания Второй мировой войны, начало холодной войны и сохраняющаяся угроза силового присоединения острова к КНР существенным образом повлияли на выстраивание отношений между Токио и Тайбэем после 1945 г., что, в свою очередь, сказалось на подходах тайваньского руководства к интерпретации событий военного прошлого Японии и формировании в обществе коллективной памяти о колониальном периоде.

Обсуждение в тайваньском обществе проблем исторического прошлого, как правило, ограничивается двумя вопросами — оспаривание суверенитета над островами Дяюйдао (釣魚島) / Сэнкаку (尖閣諸島) (или Дяюйтай 釣魚臺, как их называют на Тайване) и требование от Японии компенсаций тайваньским женщинам, которые были принуждены в годы Второй мировой войны работать в публичных домах японской армии (так называемым «женщинам для утешения» *вэйаньфу* 慰安婦). При этом претензии Тайбэя по поводу спорных территорий всегда носили довольно формальный характер, а вопрос о компенсациях бывшим *вэйаньфу* никогда не стоял остро. Важно также отметить, что проблемы исторического прошлого никогда не оказывали существенного влияния на развитие традиционно тесных японо-тайваньских связей.

Укрепление японо-тайваньского взаимодействия при президенте Чэнь Шуйбяне

С началом демократизации Тайваня в 1990-е годы при президенте Ли Дэнхуэе 李登輝 (1988–2000) антагонизм между островной и материковой частями Китая превратился в существенный фактор, влияющий на осознание жителями острова своей национальной идентичности, переосмысление ими собственной истории и перспектив дальнейшего развития общества. Противостояние КНР и КР, будучи в период холодной войны лишь дипломатической повесткой в отношениях Тайваня с другими странами, постепенно перешло во внутривнутриполитический дискурс и стало поводом для переоценки всех этапов тайваньской истории, включая и колониальный период. В 1990-е годы на острове были проведены демократические реформы, существенно укреплены связи с США и Японией — гарантами безопасности в Тайваньском проливе, а КР стала более активно заявлять о своем стремлении к независимости. Это же время стало периодом активного развития японо-тайваньских отношений.

Связи между Токио и Тайбэем значительно активизировались после победы на президентских выборах в 2000 г. представителя Демократической прогрессивной партии (ДПП), сторонника получения Тайванем независимости Чэнь Шуйбяня (陳水扁). В отличие от своего предшественника Ли Дэнхуэя, новый президент КР склонялся в отношениях с Японией к политической и военно-стратегической сферам сотрудничества, что еще больше усилило прояпонскую и антикитайскую риторику на Тайване как во внешней, так и во внутренней политике.

Еще до вступления в должность президента КР Чэнь Шуйбянь неоднократно посещал Японию, где устанавливал личные связи с представителями власти и заручался их поддержкой в президентской гонке. После победы на выборах японская сторона на одной из частных встреч поздравила Чэнь Шуйбяня с избранием, японские СМИ опубликовали большое интервью с новым президентом КР, практически одновременно с этим в Японии вышла его книга «Сын Тайваня» (臺灣之子) [1, с. 88–89]. На церемонии инаугурации Чэнь Шуйбяня присутствовал мэр Токио Исихара Синтаро — активный сторонник укрепления японо-тайваньских связей.

Период правления ДПП в начале 2000-х годов характеризуется стремлением Тайбэя к углублению политических отношений с Токио, помимо этого, КР стала проявлять интерес к сотрудничеству по военной линии, в это же время произошло значительное расширение официальных контактов между политиками. Ежегодно на праздник Национального дня Китайской Республики (в годовщину Синьхайской революции) на Тайвань направлялась делегация японских парламентариев для участия в праздничных мероприятиях. В 2003–2004 гг. в японском представительстве в Тайбэе проводили торжественные мероприятия по случаю рождения императора Японии, на которых присутствовали многие тайваньские чиновники (в том числе министр иностранных дел и секретарь Канцелярии Президента КР). В 2003 и 2006 гг. Тайвань посещал бывший премьер-министр Японии Мори Ёсиро [1, с. 89; 2, с. 76–77].

С расширением дипломатических контактов на Тайване возникло множество организаций, направленных на укрепление двусторонних связей, в их числе Ассоциация дружбы Японии и Тайваня (臺日友好協會), Союз дружбы между парла-

ментариями Японии и Тайваня (臺日國會議員友好聯盟), в Законодательном Юане была создана межпартийная группировка «Общество дружбы и взаимодействия с Японией» (臺日交流聯誼會). В учредительных документах этих организаций Тайвань назывался «свободной и демократической страной Азии», указывалось, что взаимодействие между Токио и Тайбэем происходит на основе ценностей демократического общества [3, с. 40]. В это же время увеличился интерес японских СМИ к Тайваню — ведущие японские новостные агентства поддерживали тесные контакты с тайваньским Центральным агентством новостей (CNA) и другими СМИ. Они обычно представляли КР как «успешную, процветающую и демократическую» страну, а их, как правило, позитивные репортажи о жизни острова во многом способствовали созданию положительного имиджа Тайваня в Японии [2, с. 79].

Явное стремление КР отдалиться от материкового Китая как экономически, так и политически нашло отражение в дискуссиях по поводу того, стоит ли дальше Тайбэю следовать ограничениям, вытекающим из неофициального статуса его отношений с внешним миром. Осенью 2005 г. в Японии был организован «Японо-тайваньский форум», на котором обсуждался вопрос об изменении действующей «системы 72-го года» (неофициальный статус отношений Токио с Тайбэем после установления в 1972 г. дипломатических отношений с КНР) в сторону укрепления политических контактов между странами. Помимо этого, участники форума предлагали обсудить в японском парламенте вопрос о принятии закона об отношениях с Тайванем наподобие того, что был принят в США в 1979 г.¹ Принятие такого закона в Японии фактически означало бы создание новой системы взаимодействия между Токио и Тайванем на официальном уровне. Хотя такой закон впоследствии так и не был принят, он не раз появлялся в повестке встреч японских и тайваньских политиков в периоды охлаждения японо-китайских отношений².

На фоне ухудшения отношений Токио и Пекина при премьер-министре Коидзуми Дзюньитиро (2001–2006) Япония стала больше склоняться к идее укрепления политических связей с КР и ее поддержки в стремлении к представительству в международных организациях. Японская сторона способствовала вступлению Тайваня в организации экономического профиля — АТЭС, Азиатский банк развития, ВТО, а также оказывала содействие в попытках вступить во Всемирную организацию здравоохранения³. Вместе с тем Токио не спешил поддерживать Тайбэй

¹ Закон об отношениях с Тайванем — государственный акт, принятый американским конгрессом 10 апреля 1979 г., согласно которому США и Тайвань поддерживают неофициальные отношения. В законе устанавливаются обязательства американской стороны по предоставлению Тайбэю оборонительных средств и услуг в случае внешних угроз безопасности острову. Поддержание неофициальных, но де-факто дипломатических контактов с тайваньской стороной было закреплено за Американским институтом на Тайване, учрежденным в январе 1979 г. в статусе некоммерческой организации.

² Примечательно, что Японо-тайваньский форум состоялся через полгода после принятия в КНР «Закона о противодействии расколу государства», в котором материковый Китай заявлял о своей решимости препятствовать политической независимости Тайваня и готовности применить силу, если мирные средства будут исчерпаны.

³ Еще в мае 2000 г. Япония предложила рассмотреть кандидатуру Тайваня для вступления в ВОЗ, а в 2003 г. в период эпидемии SARS подтвердила свою поддержку КР в ее попытке вступить туда в качестве наблюдателя. Похожая ситуация сложилась и в 2020 г., когда в период пандемии COVID-19 Тайбэй, заявивший об эффективной борьбе с вирусом, вновь попытался вступить в эту организацию, в чем его вновь поддержала Япония (вступлению Тайваня в ВОЗ неизменно противодействует КНР) [4].

в стремлении стать участником крупных международных организаций, занимающихся в том числе решением политических вопросов, таких как ООН или региональный форум АСЕАН [5, p. 261].

Для японской стороны, которая желала сохранять хорошие отношения как с островным, так и с материковым Китаем, слишком активное стремление Тайбэя к политической независимости становилось невыгодным, поскольку встречало резкое неприятие со стороны КНР и ставило под угрозу безопасность в Тайваньском проливе. Идеальным вариантом для Токио было сохранение статус-кво между берегами пролива, с тем чтобы Япония и Тайвань могли поддерживать тесные экономические связи и совместно осваивать огромный рынок КНР. В таких совместных предприятиях японская сторона представляла бы современные технологии и принципы организации бизнеса, а тайваньская — адаптировала бы бизнес под китайские условия, в том числе в языковой и культурной сферах [2, с. 86–87]. Очередным доказательством того, что даже на фоне наиболее благоприятного отношения Тайваня к Японии Токио не был готов идти на серьезное ухудшение японо-китайских отношений ради политической независимости КР, стало его нежелание поддерживать тайваньские власти в проведении референдума, меняющего политический статус острова. В конце 2003 г. Чэнь Шуйбянь предложил провести народное голосование по вопросу о том, стоит ли правительству КР подавать заявку на вступление в ООН под названием «Тайвань», а не «Китайская Республика», после чего правительство Дэ. Коидзуми по неофициальным каналам проинформировало администрацию КР о нежелательности проведения такого референдума [2, с. 53–54; 6, с. 101].

Тесное взаимодействие Токио и Тайбэя, несомненно, оказывало влияние и на подход тайваньского руководства к решению проблем исторического прошлого. Чэнь Шуйбянь полностью разделял позицию своего предшественника Ли Дэнхуэя, который считал, что японское колониальное правление имело больше положительных проявлений, чем отрицательных, и в сравнении с авторитарной властью Гоминьдана в первые десятилетия после войны дало острову гораздо более существенное развитие как в экономике и промышленности, так и в сфере просвещения, законодательного регулирования и здравоохранения.

Так же как и в 1990-е годы, противопоставляя Тайвань материковому Китаю, власти КР акцентировали внимание на специфике острова, уникальности его истории, культурных традиций и языка. Однако в период правления ДПП в начале 2000-х годов в учебные программы были внесены дополнительные изменения, которые должны были еще в большей мере демонстрировать отличия китайцев и тайваньцев и подтверждать наличие у жителей острова особой национальной идентичности. Отход от «китаеццентричного» понимания местной истории и переоценка некоторых ее эпизодов затрагивали даже сравнительно далекие исторические события. Например, известный «китайский пират», руководитель освободительной борьбы против установления власти маньчжуров на юго-востоке Китая и на Тайване Чжэн Чэнгун (鄭成功, Коксинга), изгнавший в 1662 г. с острова голландских колонизаторов, в китайской истории традиционно считался национальным героем (民族英雄). Однако в начале XXI в. в тайваньских учебных материалах этот термин был исключен, поскольку местные ученые утверждали, что он лишь использовал Тайвань в своих целях, установив там власть своего клана, пока его режим не был

ликвидирован цинской администрацией. Таким образом, Чжэн Чэнгун попал в число внешних захватчиков, которые когда-либо устанавливали контроль над территорией Тайваня [7, р. 483–484]. Подобная «декитаизация» коснулась и других терминов, которые теперь должны были уточняться как понятия, имеющие отношение только к материку либо только к острову, например: не «японо-китайская война» (中日 (甲午) 戰爭), а «цинско-японская война» (清日戰爭); не «два берега пролива» (兩岸), а «два государства» (兩國); не «Тайваньский регион» (臺灣地區), а просто «Тайвань» (臺灣) или даже «моя страна» (我國) и пр. [8].

В оценках японского колониализма были практически полностью исключены его отрицательные стороны, делался акцент на модернизации острова, поэтому термины «угнетение» (壓迫), «дискриминация» (歧視) и «оккупация» (占領) были удалены из текстов учебных материалов. Если раньше колониальное правление и восстановление китайской власти на острове выступали на контрасте в виде «японская оккупация» (日據) и «славное возрождение [Тайваня]» (光復), то теперь они были заменены на менее эмоциональные термины — «японское правление» (日治) и «переход под контроль Гоминьдана» (國民黨的接收). В описание событий 28 февраля 1947 г.⁴ было добавлено много дополнительного материала, проводилось сравнение колониального правления при японцах и послевоенного китайского правления. Что касается оценки режима Гоминьдана в 1980–1990-е годы, то в учебниках превалировала нейтральная позиция: с одной стороны, подтверждалось, что власти активно развивали экономику и промышленность, с другой стороны, их критиковали за недостаточно демократические методы управления [7, р. 484].

Проблемы исторического прошлого на Тайване и их влияние на отношения между Токио и Тайбэем

В начале 2000-х годов вопросы исторического прошлого были в числе основных во взаимодействии Японии со странами Азии. В первую очередь это касалось отношений с КНР и Южной Кореей, которые были возмущены регулярными посещениями синтоистского святилища Ясукуни японским премьер-министром Дз. Коидзуми. После таких визитов Пекин обычно заявлял официальный протест, иногда отменяя запланированные встречи с японскими коллегами и прекращая действие некоторых совместных проектов. Руководство Тайваня реагировало на посещение Ясукуни гораздо спокойнее, обычно в таких случаях власти КР призывали проявить терпимость и смотреть в будущее без оглядки на спорные вопросы прошлого. В своих заявлениях Тайвань подтверждал усилия послевоенной Японии в поддержании мира и стабильности в АТР [9; 10].

Проблема Ясукуни не стала актуальной на Тайване главным образом потому, что не имела прямого отношения к колониальной политике японцев на острове. Известно, что в военный период около 200 тыс. тайваньцев воевали на стороне Японии, в том числе добровольцы, из них погибло примерно 30 тыс. человек, большинство из которых (около 28 тыс. человек) также были внесены в списки по-

⁴ 28 февраля 1947 г. на Тайване вспыхнуло масштабное антиправительственное восстание («Инцидент 228» 二二八事件), ставшее ответом местных жителей на открыто колониальные методы администрации под началом китайских властей. Восстание было жестоко подавлено Гоминьданом, количество жертв, по разным оценкам, варьируется от 10 до 30 тыс. человек.

минаемых в храме [5, p. 252]. Вместе с тем некоторые жители Тайваня болезненно воспринимали визиты премьер-министра Дз. Коидзуми в синтоистское святилище и выступали с акциями протеста после его паломничества в храм. В частности, в 2001–2003 гг. член Законодательного Юаня КР (Гао) Цзинь Сумэй, представительница коренной народности Тайваня атаял, организовала кампанию по возвращению из храма Ясукуни табличек с именами «добровольцев» японской армии, представителей коренных народностей острова, которые были насильно отправлены на фронт⁵. Участники этого движения мотивировали свое требование выдать им таблички с именами их предков тем, что колониальные власти очень жестоко обращались с «дикими племенами», поэтому нахождение жертв агрессии и самих агрессоров в одном и том же списке недопустимо. Кампания по «возвращению духа предков на Родину» не увенчалась успехом — руководство храма отказалось удовлетворить просьбу тайваньских активистов [11].

В это же время некоторые политики КР, наоборот, высказывались в поддержку поминания в храме воинов, павших в бою за Японскую империю, и сами принимали участие в храмовых церемониях. Так, в 2005 г. Ясукуни посетил председатель Тайваньского союза солидарности Су Цзиньцян (蘇進強), а двумя годами позднее паломничество в храм совершил Ли Дэнхуэй в память о своем старшем брате Ли Дэнцине (李登欽), который, вступив в ряды Императорской армии, погиб в бою в 1944 г. на Филиппинах⁶ [12]. Оба эти визита ожидаемо вызвали резкую критику со стороны КНР и Гоминьдана, однако общественного резонанса инциденты не получили [7, p. 488].

Дискуссии по поводу дальнейшего политического курса КР, выход на передний план проблемы «тайваньской идентичности» и переосмысление в связи с этим собственной истории приобрели особенно острый характер в ходе споров относительно проблемы «женщин для утешения», вспыхнувших в феврале-марте 2001 г. Вопрос о компенсациях бывшим *вэйаньфу* формально был решен еще в середине 1990-х годов, когда эти женщины получили выплаты либо из японского Фонда женщин Азии (полугосударственной организации под контролем правительства, через которую осуществлялась выплата компенсаций бывшим «женщинам для утешения»), либо непосредственно от тайваньских властей, однако эта проблема вновь появилась на внутривластной повестке, став отправной точкой для нового витка дискуссий относительно будущего Тайваня и очередного внутривластного противостояния.

Поводом послужило заявление тогдашнего советника президента Сю Вэньлуна (許文龍) о том, что «женщины для утешения», возможно, не подвергались насилью во время их пребывания на «станциях для утешения». Само заявление не было официальным, а было озвучено его автором в конце 2000 г. в интервью известному художнику-карикатуристу, убежденному консерватору Кобаяси Ёсинори (小林善紀), который включил его в свою книгу-комикс по мотивам некоторых эпизодов тайваньской истории («О Тайване» 臺灣論). В книге были описаны достижения колониальных властей на Тайване, их особая роль в модернизации и просвещении жителей острова, однако вместе с этим комикс содержал провокационные иллю-

⁵ Всего из числа коренных народностей Тайваня отправились на фронт примерно 20 тыс. человек, из которых треть погибла.

⁶ Ли Дэнцин записан в храме под своим японским именем Ивасато Такэхиро (巖裏武則).

страции, в которых преуменьшались или искажались негативные стороны японского правления (в частности, было указано, что в 1930–1940-х годах девушки добровольно отправлялись на «станции для утешения»; масштабное вооруженное сопротивление местного населения установлению колониальной власти на острове и последующие антияпонские восстания были представлены как «сопротивление горстки бандитов»).

Книга «О Тайване» была основана на материалах интервью Ё. Кобаяси с рядом тайваньских политиков и бизнесменов, которые поддерживали идею независимости Тайваня и были настроены прояпонски. В числе таких людей оказался не только Сю Вэньлун, основатель и бывший глава торгово-промышленной корпорации Ци Мэй (奇美集團), но и другие гиганты бизнеса, например крупный предприниматель, активный сторонник юридического отделения Тайваня от КНР и спонсор ряда объединений, добивавшихся независимости КР, Цай Куньцань (蔡焜燦), который неоднократно заявлял о важности опыта японской модернизации на Тайване [13, p. 86]. После того как тайваньское издательство «Avanguard» (前衛出版社) опубликовало китайский перевод книги Ё. Кобаяси [14], Сю Вэньлуна подвергли жесткой критике, адресованной ему не только как представителю властей и правящей ДПП, но и как одному из тайваньских предпринимателей, которые не только проявили излишнюю толерантность к «японским выходкам», но и были лишены чувства национальной гордости. При этом критики нередко апеллировали к той самой тайваньской идентичности, о которой повествовалось в книге, но которую они, по-видимому, понимали иначе, чем автор комиксов. В частности, представители Гоминьдана заявляли, что «Сю Вэньлун заискивает перед японцами», тем самым «ущемляя национальную гордость тайваньцев и заставляя их терять свою национальную идентичность» [15].

Одновременно с нарастанием критики советника президента и публикацией в некоторых СМИ призывов бывших «женщин для утешения» снять с должности Сю Вэньлуна в его поддержку высказывались активисты, выступающие за независимость Тайваня. В частности, другой советник Чэнь ШуЙбяня, Цзинь Мэйлин (金美齡), активная сторонница отделения КР от материкового Китая, пояснила, что Сю Вэньлун не имел в виду, что все «женщины для утешения» добровольно «служили» в японской армии. Она также заявила, что до сих пор нет достаточных доказательств, чтобы сказать наверняка, что те женщины подвергались насилию, поэтому все дискуссии на эту тему сильно политизированы и представляют собой не более, чем разыгрывание «исторической карты» против Японии [16]. В ответ на это заявление противники независимости КР обвинили власти Тайваня и ДПП в том, что они «оправдывают японский милитаризм», и требовали снять с должности обоих советников президента [17]. В условиях нарастания общественного недовольства Сю Вэньлун принес извинения за свое высказывание, а Ё. Кобаяси был объявлен на Тайване *persona non-grata* [18]. Однако после этого администрация Чэнь ШуЙбяня подверглась критике со стороны «зеленой» коалиции⁷ из-за ущемления их прав на свободу слова, а некоторые из них (в частности, Цзинь Мэйлин)

⁷ «Зеленая» коалиция (綠營) — группа политических партий на Тайване во главе с ДПП, выступающая за независимость острова. Оппозиционная ей группа партий — «синяя» коалиция (藍營) во главе с Гоминьданом, которая отстаивает идею объединения Тайваня с материковым Китаем.

призывали тайваньские власти принести свои извинения Ё. Кобаяси за лишение его права на въезд в КР [19]. В результате санкции в отношении автора комикса вскоре были отменены, критика президента и его советников понемногу сошла на нет.

Таким образом, историческая проблема «женщин для утешения», а вместе с ней и вопрос о национальной идентичности тайваньцев перешли в область политики, став поводом для межпартийной критики и выяснения отношений между сторонниками и противниками независимости Тайваня. В период активных дискуссий по поводу заявления Сю Вэньлуна СМИ, как правило, освещали взаимные обвинения представителей противоборствующих партий («зеленой» и «синей» коалиций), их подходы к пониманию «тайваньской идентичности» и рассуждения по поводу будущего Тайваня, а не исследования собственно проблемы «женщин для утешения» как исторического явления. Даже заявления бывших *вэйаньфу*, которые призывали снять с должности Сю Вэньлуна и Цзинь Мэйлин и требовали от них извинений, публиковались в СМИ в контексте критики администрации президента и ДПП в целом. Межпартийное противоборство оказывало влияние и на работу Тайбэйского фонда спасения женщин⁸, под началом которого выступали бывшие *вэйаньфу* — представители ДПП просили смягчить давление на Сю Вэньлуна, тогда как Гомиьндан поощрял критику в его адрес [20, р. 243]. Как отмечают ряд исследователей, критика Сю Вэньлуна имела в большей мере внутривластный подтекст и была использована Гомиьнданом для дискредитации власти ДПП [21; 22, р. 242]. Более того, некоторые ученые придерживаются мнения о том, что Гомиьндан осознанно муссировал проблему *вэйаньфу*, чтобы противопоставить ее памяти об «инциденте 228», который являлся сильным фактором для сплочения «тайванецентричных» сил и сторонников отделения КР от материкового Китая [22, р. 384].

Так или иначе, дискуссии вокруг публикации книги Ё. Кобаяси свидетельствовали об отсутствии консенсуса в тайваньском обществе по вопросам исторического прошлого, а сложившаяся политическая подоплека этих дискуссий установила определенные ограничения для тех активистов, которые пытались поднять вопрос о «неприглядных» сторонах японского правления. Теперь такие общественные деятели все чаще стали восприниматься тайваньцами как проводники политики Гомиьндана, поэтому их деятельность все меньше встречала одобрение среди жителей острова. На фоне значительного ослабления интереса общества к обсуждению японского колониального наследия движение за права бывших «женщин для утешения» также постепенно сходило на нет, становясь все менее популярным среди населения.

Еще одним подтверждением того, что споры вокруг проблемы *вэйаньфу* на Тайване оказались делом скорее внутренней, чем внешней политики, является то, что эти дискуссии велись не в контексте претензий к Японии со стороны других стран. Как правило, материковый Китай и Южная Корея одновременно выступали с критикой японских властей после очередного провокационного действия Токио, например паломничества чиновников в храм Ясукуни, заявления официальных лиц о мнимости агрессии Японской империи в середине XX столетия, публикации

⁸ Тайбэйский фонд спасения женщин (婦女救援基金會) — созданная в 1992 г. неправительственная организация, которая занималась вопросом выплаты компенсаций бывшим «женщинам для утешения» на Тайване.

новой версии учебников истории, в которых преуменьшались военные преступления японской армии в период Второй мировой войны. Однако ничего подобного в феврале-марте 2001 г. не произошло. Случай на Тайване не стал поводом для начала критики японских властей Пекином либо Сеулом, не был он и следствием очередной волны недовольства в соседних странах в связи с актуализацией вопросов исторического прошлого.

Проблемы исторического прошлого вновь появились на внешнеполитической повестке стран Азии в 2005 г., когда в Японии был одобрен новый учебник по истории, где были сильно «сглажены острые углы» японской внешней политики 1930–1940-х годов, а какие-либо упоминания о проблеме «женщин для утешения» вовсе отсутствовали. Выход учебника вызвал решительный протест со стороны материкового Китая и Южной Кореи, в то время как официальные власти КР никак на это не отреагировали, отмечалось лишь некоторое увеличение научных публикаций, посвященных вопросу о *вэйаньфу* [20, p. 228–229].

Что касается Японии, то оценка ее собственного военного прошлого часто оказывалась неоднозначной, а порой и противоречивой. Вопросы о том, как оценивать внешнюю политику Японской империи в первой половине XX в., колониальное правление и действия ее армии в странах Азии в период Второй мировой войны до сих пор сохраняют дискуссионный характер. Ученые выделяют два основных подхода к трактовке событий прошлого в японском обществе — «консервативный» (сторонники которого настаивают на «патриотическом» взгляде на историю) и «прогрессистский» (предполагающий признание ошибок военного прошлого) [23, с. 127]. Именно консервативная традиция стала преобладающей в обществе с тех пор, как проводимая в 1990-х годах «политика извинений» перед странами Азии, которые в прошлом подверглись военной оккупации либо являлись колониями Японской империи, по сути, не оправдала себя. Сторонники консервативного подхода склонны отрицать или по крайней мере преуменьшать преступления японской армии в период войны, в частности это касается и проблемы признания вины за организацию системы «станций для утешения», в которых были принуждены работать многие женщины с подконтрольных японцам территорий [24, с. 86–87]. В период премьерства Коидзуми Дзюньитиро в обществе с новой силой проявились консервативные настроения, в результате чего все проблемные вопросы истории вышли на передний план, став причиной осложнения отношений Токио со многими странами, главным образом с КНР и КР. Хотя в эти годы радикально ревизионистские высказывания отдельных японских политиков не встречали одобрения в обществе, вместе с тем общая тенденция на пересмотр отношения к проблеме ответственности Японии за преступления военного времени сохранялась [25].

В начале 2000-х годов нежелание японской стороны продолжать «политику извинений» и стремление отойти от «мазохистского» понимания собственной истории совпали с периодом, когда тайваньские власти были готовы пойти на существенные уступки ради поддержания тесных связей с Токио. Этим можно объяснить тот факт, что дискуссии по проблеме «женщин для утешения» так и остались в КР на уровне общественных обсуждений, не выходящих на уровень внешнеполитической проблемы. Говоря о влиянии «дела Сю Вэньлуна» на японо-тайваньские отношения, можно с уверенностью сказать, что Токио и Тайбэй сохранили тот же уровень политических и экономических контактов без каких-либо изменений.

Японские СМИ, освещая вспыхнувшие на Тайване дискуссии по поводу «женщин для утешения», подчеркивали, что эти споры не затрагивают дружественные отношения Японии и КР [5, p.251], хотя некоторые общественные организации критиковали Ё. Кобаяси за провокационные высказывания о тайваньских *вэйаньфу* [26]. На Тайване же основная критика была адресована Сю Вэньлуну, а не японским властям, которые позволили выйти в свет провокационной книге-комиксу. Критику представителей консервативного крыла японского истеблишмента в этот период можно найти лишь в публикациях китайских СМИ [27–31].

Заключение

Очевидное смещение в приоритетах внешней политики Тайваня в 1990-х и начале 2000-х годов в сторону Японии и вместе с этим культивирование среди жителей особой островной идентичности, которая совмещала в себе элементы как китайской, так и японской традиции, были обусловлены не столько стремлением сильно сблизиться с Японией, сколько желанием максимально отдалиться от материкового Китая. Поэтому тема исторического прошлого и, в частности, акцент на особой роли японского колониального правления в модернизации острова стали важным аргументом, подтверждающим уникальность истории и культуры Тайваня, а значит, и определяющим перспективы его развития в статусе независимого государства.

Переход дискуссий по вопросам истории в плоскость политики и межпартийного противостояния стал для Тайваня типичным с тех пор, как остров встал на путь демократического развития с опорой на своих стратегических союзников — США и Японию. Вспыхнувшие в 2001 г. споры вокруг проблемы *вэйаньфу* продемонстрировали разобщенность тайваньского общества по вопросу интерпретации японского колониального правления и вместе с тем, по сути, сформировали подход ДПП к урегулированию проблем, связанных с историческим прошлым: не позволять проблемным вопросам истории выходить за пределы Тайваня, чтобы сохранить тесные дружественные отношения с Токио, жизненно важные для Тайбэя в условиях его противостояния КНР и стремления острова к самостоятельности на международной арене.

После победы на президентских выборах представителя партии Гоминьдан Ма Инцзю (馬英九) в 2008 г. вопрос о независимости острова отошел на второй план, в своих отношениях с материковым Китаем тайваньские власти стали демонстрировать большую сдержанность. Новый президент КР попытался выстроить дружественные отношения с КНР на основе иного понимания «тайваньской идентичности» (основным элементом которой теперь стала китайская традиционная культура) и сформировать в обществе более взвешенный подход к пониманию собственной истории⁹. Примечательно, что со сменой власти на Тайване и уходом «зеленой» коалиции в оппозицию японо-тайваньские связи не претерпели существенного изменения. Даже несмотря на то что в этот период территориальный спор вокруг островов Дяоюйдао/Сэнкаку появился на повестке двусторонних отношений, про-

⁹ О влиянии вопросов исторического прошлого на японо-тайваньские отношения при президенте Ма Инцзю см.: [32].

блемы исторического прошлого не стали препятствием для развития традиционно тесных отношений между Токио и Тайбэем.

Литература

1. 贾超为. 日台关系的历史和现状. 北京: 华艺出版社, 2011. 237 页 [Цзя Чаоуэй. История японо-тайваньских отношений и их развитие на современном этапе. Пекин: Хуаи чубаньшэ, 2011. 237 с.]. (На кит. яз.)
2. Гордеева И. В. Политика Японии в отношении Тайваня: история и современность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
3. Гордеева И. В. Об особенностях современной позиции Японии в отношении Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 38–48.
4. 日本对台湾参与世界卫生组织的支持 [Япония поддерживает стремление Тайваня вступить во Всемирную организацию здравоохранения] // Pars Today. 20.05.2020. URL: <https://parstoday.com/zh/news/world-i52241> (дата обращения: 28.10.2020). (На кит. яз.)
5. *Lam Peng-Er. Japan — Taiwan Relations: Between Affinity and Reality* // *Asian Affairs: An American Review*. 2004. Vol. 30, № 4. P. 249–267.
6. 巴殿君. 冷战后日本对台湾政策研究. 北京: 九州出版社, 2010. 206 页 [Ба Дяньцзюнь. Исследование политики Японии в отношении Тайваня после окончания холодной войны. Пекин: Цзючжоу чубаньшэ. 2010. 206 с.]. (На кит. яз.)
7. *He Yinan. Identity Politics and Foreign Policy: Taiwan's Relations with China and Japan, 1895–2012* // *Political Science Quarterly*. 2014. Vol. 129, № 3. P. 469–500.
8. 人民日报 [Жэнь минь жи бао]. 25.07.2007. (На кит. яз.)
9. *Taiwan News*. 2002. 24 April.
10. 靖国神社真的要进入台湾吗? [Неужели Ясукуни будет находиться и на Тайване?] // *Huaxia.com*. 15.06.2005. URL: <http://www.huaxia.com/zt/rdzz/05-045/528028.html> (дата обращения: 27.02.2021). (На кит. яз.)
11. 日靖国神社拒绝台湾原住民迎回祖先灵位要求 [Японский храм Ясукуни отклонил требование представителей тайваньских коренных народностей вернуть таблички с именами их предков] // *Eastday.com*. 13.08.2002. URL: <http://news.eastday.com/epublish/gb/paper148/20020812/class01480005/hwz740576.htm> (дата обращения: 27.02.2021). (На кит. яз.)
12. 李登辉参拜靖国神社 [Ли Дэнхуэй посетил храм Ясукуни] // *News.sohu.com*. 08.06.2007. URL: <http://news.sohu.com/20070608/n250453570.shtml> (дата обращения: 27.02.2021). (На кит. яз.)
13. *Sejrup J. One or the other: synecdoche and representation in Taiwan — Japan controversies* // *Taiwan: self vs. other* / eds J. Damm, I. Cheng. Zürich: Lit Verlag, 2016. P. 85–104.
14. 小林善纪. 台湾论 / 译者. 赖青松, 萧志强. 台北: 前卫出版社, 2001. 269 页 [Кобаяси Ёсинори. О Тайване / пер. Лай Цинсун, Сяо Чжицян. Тайбэй: Цяньвэй чубаньшэ, 2001. 269 с.]. (На кит. яз.)
15. 中国时报 [Чжун го ши бао]. 22.02.2001. (На кит. яз.)
16. 中央日报 [Чжун ян жи бао]. 25.02.2001. (На кит. яз.)
17. 中央日报 [Чжун ян жи бао]. 09.03.2001. (На кит. яз.)
18. 台湾当局决定禁止 «台湾论» 作者小林善纪赴台 [Тайваньские власти приняли решение о запрете въезда на Тайвань для автора книги «О Тайване» Кобаяси Ёсинори] // *Sohu.com*. URL: <http://news.sohu.com/97/43/news144224397.shtml> (дата обращения: 28.10.2020). (На кит. яз.)
19. 臺 «國策顧問» 竟要求當局向小林善紀道歉 [Тайваньский «советник президента по вопросам политики» требует от властей принести извинения Кобаяси Ёсинори] // *Eastday.com*. Тематические статьи. URL: <http://news.eastday.com/epublish/big5/paper1/16/class000100001/hwz330481.htm> (дата обращения: 15.01.2021). (На кит. яз.)
20. *Suzuki Shogo. The Competition to Attain Justice for Past Wrongs: The “Comfort Women” Issue in Taiwan* // *Pacific Affairs*. 2011. Vol. 84, no. 2. P. 223–244.
21. 中国时报 [Чжун го ши бао]. 05.03.2001. (На кит. яз.)
22. *Fleischauer S. The 228 Incident and the Taiwan independence movement's construction of a Taiwanese identity* // *China Information*. 2007. Vol. 21, no. 3. P. 373–401.

23. Стрельцов Д. В. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с Китаем и Республикой Корея // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 119–136.

24. Стрельцов Д. В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями. К 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97.

25. Нелидов В. В. Проблемы исторического прошлого в японской общественно-политической жизни // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 12 (98). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840010390-8-1/> (дата обращения: 21.12.2020).

26. 小林善纪歪曲历史《台湾论》入岛遭唾骂 [Кобаяси Ёсинори искажает историю: его книга «На Тайване» встретила ожесточенную критику на острове] // Huaxia.com. URL: <http://www.huaxia.com/zt/2001-25/67614.html> (дата обращения: 15.01.2021). (На кит. яз.)

27. The Straits Times. 2001, 28 February.

28. 人民日报 [Жэнь минь жи бао]. 02.03.2001. (На кит. яз.)

29. 人民日报 [Жэнь минь жи бао]. 03.03.2001. (На кит. яз.)

30. 人民日报 [Жэнь минь жи бао]. 04.03.2001. (На кит. яз.)

31. 人民日报 [Жэнь минь жи бао]. 06.03.2001. (На кит. яз.)

32. Перминова В. А. Историческая память на Тайване и ее влияние на отношения Токио и Тайбэя при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.) // Японские исследования. 2020. № 3. С. 107–122.

Статья поступила в редакцию 4 ноября 2020 г.;
рекомендована к печати 26 марта 2021 г.

Контактная информация:

Перминова Вера Александровна — канд. ист. наук; verger177@yandex.ru

Problems of the Historical Past in Japanese-Taiwanese Relations during the Chen Shui-bian Administration (2000–2008)*

V. A. Perminova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12, ul. Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation
Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky pr., Moscow, 125993, Russian Federation

For citation: Perminova V. A. Problems of the Historical Past in Japanese-Taiwanese Relations during the Chen Shui-bian Administration (2000–2008). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2021, vol. 13, issue 2, pp. 293–307. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2021.211> (In Russian)

Taiwan, which was ruled by the Japanese Empire from 1895 to 1945, still remains one of the few regions whose inhabitants do not emphasize the negative aspects of the colonial period. Discussions in Taiwanese society about the problems of the historical past traditionally are represented by two issues: the question of sovereignty over the Diaoyudao/Senkaku islands and the demand from Tokyo of an apology and compensation for Taiwanese “comfort women”. Moreover, both of these problems, even if they appeared on the domestic political agenda, were never acute and did not have a significant impact on the development of traditionally

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant no. 19-18-00017 “Problems of the historical past in Japan’s relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia”).

close Japanese-Taiwanese relations. Questions of the historical past, as a rule, represented only one part of the larger discussions regarding the national identity of the islanders and the search for models of further development of Taiwan. All these aspects of the “Taiwanese approach” to issues related to the problematic past came into full play during the presidency of Chen Shui-bian (2000–2008). During this time, Tokyo and Taipei maintained a rather high level of political contacts and encouraged cooperation between Japan and Taiwan despite the actualization of the “comfort women” issue, which became the baseline for new discussions about the colonial past and the role of Japan in developing modern Taiwan. The article discusses the approaches of Taiwanese authorities in 2000–2008 to the interpretation of Japan’s war-time past and colonial period of Taiwan history in the context of development of relations between Tokyo and Taipei.

Keywords: Taiwan, Japan, Republic of China, “comfort women”, problems of the historical past, foreign affairs.

References

1. Jia Chaowei. *Ri tai guan xi de li shi he xian zhuang* [Relations between Japan and Taiwan: history and present]. Beijing, Hua yi chu ban she, 2011. 237 p. (In Chinese)
2. Gordeyeva I. V. *Japan’s policy toward Taiwan: history and present*. Dis. PhD (History). Moscow, 2015. (In Russian)
3. Gordeyeva I. V. About Japan’s contemporary attitude to Taiwan. *Far Eastern Affairs*, 2012, no. 1, pp. 38–48. (In Russian)
4. Ri ben dui tai wan can yu shi jie wei sheng zu zhi de zhi chi [Japan supports Taiwan joining World health organization]. *Pars Today*. 2020, 20 May. Available at: <https://parstoday.com/zh/news/world-i52241> (accessed: 28.10.2020). (In Chinese)
5. Lam Peng-Er. Japan — Taiwan Relations: Between Affinity and Reality. *Asian Affairs: An American Review*, 2004, vol. 30, no. 4, pp. 249–267.
6. Ba Dianjun. *Leng zhan hou ri ben dui tai wan zheng ce yan jiu* [Research of Japanese policy towards Taiwan after “cold war”]. Beijing, Jiuzhou Publ., 2010. 206 p. (In Chinese)
7. He Yanan. Identity Politics and Foreign Policy: Taiwan’s Relations with China and Japan, 1895–2012. *Political Science Quarterly*, 2014, vol. 129, no. 3, pp. 469–500.
8. *Ren min ri bao*. 2007, 25 July. (In Chinese)
9. *Taiwan News*, 2002, 24 April.
10. Jing guo shen she zhen de yao jin ru tai wan? *Huaxia.com*. 15.06.2005. Available at: <http://www.huaxia.com/zt/rddz/05-045/528028.html> (accessed: 27.02.2021). (In Chinese)
11. Ri jing guo shen she ju jue tai wan yuan zhu min ying hui zu xian ling wei yao qiu. *Eastday.com*. 13.08.2002. Available at: <http://news.eastday.com/epublish/gb/paper148/20020812/class014800005/hwz740576.htm> (accessed: 27.02.2021). (In Chinese)
12. Li deng hui can bai jing guo shen she. *News.sohu.com*. 08.06.2007. Available at: <http://news.sohu.com/20070608/n250453570.shtml> (accessed: 27.02.2021). (In Chinese)
13. Sejrurp J. One or the other: synecdoche and representation in Taiwan — Japan controversies. *Taiwan: self vs. other*. Eds Jens Damm, Isabelle Cheng. Zürich, Lit Verlag, 2016, pp. 85–104.
14. Kobayashi Yoshinori. *Tai wan lun*. Transl. by Lai Qingsong, Xiao Zhiqiang. Taipei, Qian wei Publ., 2001. 269 p. (In Chinese)
15. *Zhong guo shi bao*. 2001, 22 February. (In Chinese)
16. *Zhong yang ri bao*. 2001, 25 February. (In Chinese)
17. *Zhong yang ri bao*. 2001, 09 March. (In Chinese)
18. Tai wan dang ju jue ding jin zhi “tai wan lun” zuo zhe xiao lin shan ji fu tai. *Sohu.com*. Available at: <http://news.sohu.com/97/43/news144224397.shtml> (accessed: 28.10.2020). (In Chinese)
19. Tai “guo ce gu wen” jing yao qiu dang ju xiang xiao lin shan ji dao qian. *Eastday.com*. Special Items. Available at: <http://news.eastday.com/epublish/big5/paper1/16/class00100001/hwz330481.htm> (accessed: 15.01.2021). (In Chinese)

20. Suzuki Shogo. The Competition to Attain Justice for Past Wrongs: the “Comfort Women” Issue in Taiwan. *Pacific Affairs*, 2011, vol. 84, no. 2, pp. 223–244.
21. *Zhong guo shi bao*. 2001, 05 March. (In Chinese)
22. Fleischauer S. The 228 Incident and the Taiwan independence movement’s construction of a Taiwanese identity. *China Information*, 2007, vol. 21, no. 3, pp. 373–401.
23. Streltsov D. V. Problems of history past in Japan’s relations with China and Republic of Korea. *Transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij v Severo-Vostochnoj Azii i nacionalnye interesy Rossii*. Eds A. V. Torkunov, D. V. Strel’tsov. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019, pp. 119–136. (In Russian)
24. Streltsov D. V. War memory as an independent factor in Japan’s relations with neighbors: on the 75th anniversary of Japan’s surrender. *Yaponskiye issledovaniya*, 2020, vol. 4, pp. 78–97. (In Russian)
25. Nelidov V. V. Problems of historical past in Japanese social and political life. *Istoriya*, 2020, vol. 11, iss. 12 (98), part I. Available at: <https://history.jes.su/s207987840010390-8-1> (accessed: 21.12.2020). (In Russian)
26. Xiao lin shan ji wa qu li shi “tai wan lun” ru dao zao tuo ma. *Huaxia.com*. Available at: <http://www.huaxia.com/zt/2001-25/67614.html> (accessed: 15.01.2021). (In Chinese)
27. *The Straits Times*, 2001, 28 February.
28. *Ren min ri bao*. 2001, 02 March. (In Chinese)
29. *Ren min ri bao*. 2001, 03 March. (In Chinese)
30. *Ren min ri bao*. 2001, 04 March. (In Chinese)
31. *Ren min ri bao*. 2001, 06 March. (In Chinese)
32. Perminova V. A. Historical memory and its influence on relations between Tokyo and Taipei under president Ma Yingjiu (2008–2016). *Yaponskiye issledovaniya*, 2020, no. 3, pp. 107–122. (In Russian)

Received: November 4, 2020

Accepted: March 26, 2021

Author’s information:

Vera A. Perminova — PhD in History; verger177@yandex.ru